

Евгений Попов и Михаил Гундарин —

авторы биографий Фазиля Искандера и Василия

Шукина (фрагменты из них публиковались в «Алтае»).

Их новая книга посвящена литературной истории легендарного 1968 года, во многом определившего пути развития общества и культуры на годы вперед. Великие книги, мощные социальные потрясения, резкие повороты в судьбе ведущих прозаиков и поэтов страны — все это пришлось на один год, обо всем этом говорится в художественном исследовании Попова и Гундарина.

Литература и политика были тесно связаны во все времена — что в Древнем Риме, что сегодня. Но в 1968 году, на фоне внешнеполитического оживления и соответствующих угроз, руководство идеологического блока КПСС всерьез взялось за литературу. Так или иначе об этом пойдет речь во всей, пожалуй, нашей книге, а в этой главе мы целенаправленно собрали факты, скандалы, истории, связанные с ПОЛИТИЧЕСКИМ руководством.

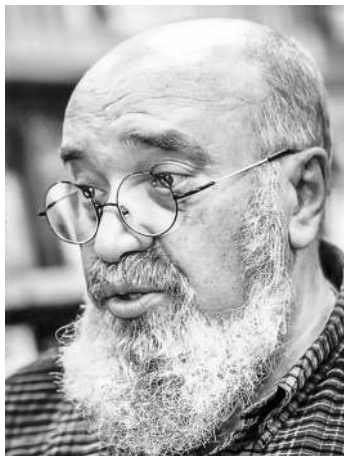
Союз и его писатели

В 1968 году Союз советских писателей был, что называется, в самом расцвете и самой силе. С момента создания в 1934 году он прошел через разного рода организационные преобразования, окончательно сложившись как структура именно в середине 60-х. Таким он и пребудет до распада СССР с незначительными

Михаил Гундарин

Родился в 1968 году в Дзержинске Горьковской области, на Алтае жил в 1975–2017 годах. Окончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат философских наук, член Союза российских писателей. Автор нескольких книг стихов и прозы. В «Алтае» печатается с 1989 года. Живет и работает в Москве.

Евгений Попов

Родился в Красноярске. Окончил Московский геологоразведочный институт им. С. Орджоникидзе. Автор нескольких книг прозы. Отмечен премиями журналов «Волга» (1989), «Стрелец» (1995), «Знамя» (1998), «Октябрь» (2002), премией Союза писателей Москвы «Венец» (2003), памятным знаком венгерского Министерства культуры Pro cultura Hungaria (2005), премиям «Триумф» (2009) и «Большая книга» (2012). Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

изменениями, больше касающимися формулировок должностей, чем сути дела.

Высшим органом СП СССР был съезд. Четвертый состоялся в 1967 году, ознаменовавшись большим скандалом, связанным с открытым письмом Солженицына — а еще больше с тем, что, по сути, это воззвание поддержали многие писатели. Съезд избирал правление СП СССР (более 100 человек), которое, в свою очередь, избирало председателя правления (с 1977 года — первого секретаря) и формировало секретариат правления (около 30 человек), управлявший делами СП в период между съездами. Пленум Правления СП по уставу собирался не реже одного раза в год.

Структурными подразделениями СП СССР были региональные писательские организации со структурой, аналогичной центральной организации: СП союзных и автономных республик, писательские организации областей, краев, городов Москва и Ленинград.

Печатными органами СП СССР официально являлись «Литературная газета», журналы «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Вопросы литературы», «Литературное обозрение», «Иностранная литература», «Юность», «Советская литература» (выходила на иностранных языках), «Театр», «Советишгеймланд» (на идиш), «Звезда», «Костёр».

В ведении правления СП СССР находились издательство «Советский писатель», Литературный институт, Всесоюзное управление по охране авторских прав, Всесоюзное бюро пропаганды художественной литературы, Центральный дом литераторов и др.

В структуре СП существовали различные подразделения, осуществлявшие функции управления и контроля. Так, все заграничные поездки членов Союза подлежали утверждению со стороны Иностранной комиссии СП СССР.

При правлении СП СССР действовал богатейший Литературный фонд СССР, региональные писательские организации также имели свои литфонды.

В общем, по сути, огромное предприятие, каких на общесоюзном уровне было не так и много!

Ну и по количеству «сотрудников предприятия», то есть советских писателей, СП был в лидерах. В СССР на момент проведения их съезда было, ни много ни мало, 6608 человек (плюс не одна сотня работников аппарата). Понятно, что желающих попасть в СП было в разы больше. Впрочем, и сейчас, по некоторым сведениям, в России более 120 тысяч человек, пишущих на русском языке и выпустивших хотя бы одну книгу стихов, прозы или публицистики.

Был еще и Союз писателей РСФСР, основанный только в 1958 году — позже других республиканских. Дело не обошлось без интриг противоборствующих групп, которыми литературный процесс всегда был славен (понятно, что тогда это была схватка бульдогов под ковром — ну, не бульдогов даже, а так, масти поменьше). В 1968 году СП РСФСР командовал «беспартийный большевик» Леонид Соболев. А «Большим Союзом» руководил Константин Федин.

В общем, характеристику тогдашнему СП СССР прекрасно дал Вениамин Каверин в документе, который распространялся под названием «Речь, не произнесенная на IV съезде»: «Непрерывно действующая центробежная сила с каждым годом относилась Союз писателей в сторону от литературы, превращая его в громадный, действующий на холостом ходу аппарат. Между членами Союза писателей и подлинными профессиональными писателями образовалась пропасть. Литературные собрания, дискуссии, встречи не только прекратились, но самая мысль о них встречает у руководителей Союза сопротивление. Причина этой боязни ясна: руководители Союза боятся, что на любом из этих собраний может вспыхнуть спор, в котором с полной отчетливостью отразится несогласие большинства серьезно работающих писателей с литературной политикой, которую проводит Союз. Не защита и поддержка писателей, а защита от писателей — вот атмосфера этой политики. Союз с его аппаратом, с его сложной административно-хозяйственной жизнью, с его внутренними интригами и карьерами живет своей жизнью, нигде не скрещивающейся с жизнью литературы. Его руководителям, которые всецело подчиняются другим руководителям, кажется, что они управляют литературой. Это ложное впечатление. Литературой

нельзя управлять. В лучшем случае это самообман, необходимый для более чем благополучного существования все той же литературной иерархии».

Глава СП Константин Федин, надо сказать, выполнял по большей части только представительскую функцию. Считается, что всю черновую работу в Союзе писателей за него делали в основном два человека: провинциал, переехавший в Москву, Георгий Марков (который потом сменит Фебина на посту писательского босса) и «простой советский служащий» Константин Воронков. Беспокоили Фебина, возведенного в роль «живого классика» лишь тогда, когда возникали дела с политическим уклоном. В частности, ему пришлось участвовать в разборках с журналом «Новый мир». Причем некоторые партийные функционеры поначалу боялись, что Федин, как член редколлегии «Нового мира», займет сторону Твардовского. Но их опасения были напрасны. Федин все делал как надо, отмежевываясь от «новомирской» линии, громил, кого требовалось. А с Солженицыным он, как кажется, и вовсе боролся «от души».

Посему, конечно, старых друзей у Фебина к 60-м годам среди писателей не осталось. Он имел едкое прозвище «чучело орла». Константин Паустовский назвал писателя «комиссаром собственной безопасности», а Каверин как раз в начале 1968 года обратился к Федину с открытым — ругательным — письмом. Которое быстро приобрело сочувственную известность в литературных кругах, что было зафиксировано и КГБ.

В итоге бедный (так и хочется сказать) Федин попросился у своих кураторов в длительный творческий отпуск. 6 июня 1968 года писатель обратился с соответствующей просьбой к секретарю ЦК КПСС Демичеву. Отпустили. Но недалеко и ненадолго. Несмотря на все зафиксированные документально просьбы, в личных беседах с партийными чиновниками переходящие чуть ли не в мольбы, Федин с поста окончательно отпущен не был. Так и тянул свой высокий секретарский крест до 1977 года.

Среди тогдашних чиновников СП СССР были люди поярче и поинтереснее Фебина, например, бывший высокопоставленный сотрудник НКВД Виктор Ильин. Дослужившись до комиссара госбезопасности (что соответствует генерал-майору), он был

арестован в 1943-м СМЕРШем и следующие 9 лет провел в заключении, — потом был выпущен, реабилитирован, и вот занялся литературной нивой. При этом сам Ильин членом СП не был.

Он работал оргсекретарем самого влиятельного в стране Московского отделения СП СССР, активно общался с писателями, оставил после себя крайне разноречивые оценки. Владимир Войнович его описывал чуть ли не с ненавистью — в «Иванькиаде». В более поздних автобиографических сочинениях несколько смягчил. «Ильин был человек очень незаурядный, но все-таки ум у него был полицейский... Полицейский — не значит глупый, а лишь то, что человек видит всему простые объяснения и находит простые решения. Я думаю, что Ильин по натуре и не злой был, но делал все, что нужно, считая себя солдатом партии. Мне кажется, что эту роль он себе подсознательно придумал для оправдания всех своих поступков...»

Михаил Любимов, бывший разведчик и автор шпионских книг, о своем, так сказать, коллеге (а Ильин некогда занимался внешней разведкой) написал куда более положительно: «Хорошо бы еще вспомнить, какие толпы писателей рвались на прием к «дорогому Виктору Николаевичу» с просьбами о помощи: путевочка в санаторий на двоих с женой, квартира, материальная помощь, поездка за кордон и масса других ходатайств.

Ильин крутился как белка в колесе, постоянно в контакте с Литфондом, Московским комитетом партии, профсоюзами. Но разве мы умеем ценить добрые дела? А его добрых дел не перечислить. Например, поэт Юрий Левитанский развелся, снова женился, на свет появились три девочки. А где жить? Ильин лично выделил Левитанскому пятикомнатную (!) квартиру в писательском доме в Астраханском переулке, хотя поэт отнюдь не жаловал советскую власть и был, ко всему прочему, «подписантом».

Писатели считали Ильина «кагэбэшным надсмотрщиком», однако на самом деле — открою секрет! — никакой «агентурно-оперативной работы» Виктор Николаевич не вел, ему и своих дел хватало по горло! Но, естественно, как «солдат партии», он содействовал работе органов — между прочим, не больше и не меньше, чем другие руководители Союза писателей».

Это Москва, а вот оргсекретарем «Большого Союза» был Юрий Верченко, про которого среди писателей ходил слух, что он тоже генерал ГБ. Генерал — не генерал, но именно он многие годы, включая оттепельный 1968, ведал всеми писательскими делами — и бытовыми, и идеологическими.

Конечно, сверху надзидало и при случае прямо командовало партийное начальство, тот же Петр Нилыч Демичев со своими присными, а еще выше было недреманное око члена Политбюро, куратора всей идеологии страны Михаила Суслова. Который, чуть что, живо спускался с Олимпа и вмешивался в писательские «разборки».

Среди идеологических чиновников, курирующих писательские организации, были, по мнению «писательской общественности», и вполне интеллигентные люди, например Игорь Черноуцан, дослужившийся до заместителя заведующего отделом культуры ЦК КПСС. В 60-е интеллигентного Черноуцана за глаза называли серым кардиналом, управляющим отечественной литературой. Многие были убеждены, что без него в ЦК партии не решался ни один вопрос, касавшийся художественной литературы. Одно другому не мешает. Многие мемуаристы называют его сторонником и защитником — конечно, очень осторожным — либерального направления.

Время от времени текущий идеологический контроль за литературой сменялся экстренными мерами по приведению ее в норму. Так, громкий политический процесс 1968 года — суд над Александром Гинзбургом, Юрием Галансковым и их «подельниками» Алексеем Добровольским и Верой Лашковой, известный как «Процесс четырех», был, пожалуй, одним из самых-самых «литературных» за всю историю диссидентского движения.

Во-первых, обвинения Александру Гинзбургу основывались на подготовленной им «Белой книге», посвященной процессу Синявского и Даниэля. Она ходила в «самиздате», вышла в журнале «Грани», отдельной книгой была выпущена издательством «Посев». То есть органами пресловутого антисоветского (без кавычек) НТС, который для КГБ был врагом номер один.

В 1968 году вариантов у несоветских советских писателей не было — опубликовался на Западе с помощью НТС, значит,

ты однозначно враг государства. И в этом была своя чудовищная логика. НТС открыто, не таясь, пропагандировал свержение коммунистического строя. Не случайно печатавшиеся в изданиях НТС Гладилин, Окуджава, Ахмадулина тут же публично каялись, что их прозу или стихи использовали в своих целях «белогвардейцы». Увы, такая тогда была жизнь и такая игра. ТРЕТИЙ ПУТЬ большевики начисто не признавали, да его еще и не было в 1968.

А вот чуть позже появились нюансы, возникло, например, американское издательство «Ардис», публикация в котором была большим грехом для писателя, жившего в СССР, — но грехом все же не смертельным.

Создатели «Ардиса» Карл и Элендея Профферы, американские слависты, влюбленные в русскую литературу, создали свое издательство в 1971 году для переиздания редких книг Мандельштама, Марины Цветаевой, Андрея Платонова. А потом и для публикации запрещенных в СССР цензурой якобы по политическим, а скорее по идиотским соображениям Юза Алешковского, Василия Аксенова, Андрея Битова, Иосифа Бродского, Владимира Войновича, Анатолия Гладилина, Сергея Довлатова, Фазиля Искандера, Льва Копелева, Юрия Кублановского, Семена Липкина, Инны Лиснянской, Эдуарда Лимонова, Юрия Милославского, Виктора Некрасова, Булата Окуджавы, Людмилы Петрушевской, Евгения Попова, Виктора Сосноры, Юрия Трифонова, Татьяны Толстой, Алексея Цветкова, Бориса Чичибабина, Владимира Уфлянда, Сергея Юрьенена и, как говорится, многих других. Открыли всему миру Сашу Соколова.

Ничего себе списочек? И ведь это все писатели, а не политики или «ниспровергатели строя», просто-напросто люди, которые хотели жить и творить в родной стране свободно. Полагая, что для этого НАСТАЛО ВРЕМЯ.

«Сделанное Проффером для русской литературы сравнимо с изобретением Гуттенберга, ибо он вернул ей печатный станок. Публикуя по-русски и по-английски сочинения, которым не суждено было превратиться в печатные знаки, он спас многих русских писателей и поэтов от забвения, искажения, невроза, отчаяния. Более того, он изменил самый климат нашей литературы.

Теперь писатель, чей труд отвергнут или запрещен, стал лично свободнее, потому что он знает, что, в конце концов, может послать свое сочинение в «Ардис», — резюмировал на вечере, посвященном «Ардису», Иосиф Бродский.

Власти сначала смотрели на это сквозь пальцы, и НЕВЪЕЗДНЫМИ Профферы стали только в 1979 году, когда опубликовали неподцензурный альманах «МетрОполь». Все как всегда! Вот он вам и «третий путь».

Но в 1968 году и до этих «ослаблений» было далеко. Надо сказать, в предисловии к «Белой книге» люди из НТС писали вполне недвусмысленно: «Расправа над Синявским и Даниэлем лишней раз показывает, что коммунистическая власть, независимо от того, кто во главе нее стоит — Сталин, Хрущев или Брежнев с Косыгиным, — всегда будет удушать свободу. «Белая Книга» об этом ярко свидетельствует. Публикуя ее, мы хотим, прежде всего, чтобы в нашей стране как можно больше людей узнали правду об этом "деле", отмечающем начало нового зажима. Мы хотим также, чтобы эта «Белая Книга» разошлась по разным странам мира, ознакомила интеллигенцию этих стран с тем, как коммунистический режим зажимает рот непокорным, говорящим правду. Совесть свободных людей не может быть спокойной, пока произвол и обман царят в великой стране, а правители этой страны лгут, надевая для внешнего мира маску гуманистов и миротворцев. Общественное мнение свободных стран должно поддержать борьбу общественности в России за освобождение Синявского и Даниэля. Ибо свобода неделима, а правда и совесть едины во всем мире».

Ясное дело, с такими «западными продюсерами» тюрьмы Александру Гинзбургу было не миновать.

«Белая книга» и сегодня поражает разнообразием собранных материалов (их больше 400 страниц!). Тут и стенограмма процесса, и публикации СМИ, и письма, с которыми обращалась советская интеллигенция к правительству, протестуя против осуждения писателей. Ну, или наоборот. Например, там есть речь Шолохова, где он во все корки кроет подсудимых, ответное открытое письмо Лидии Чуковской и «Письмо старому другу» Варлама Шаламова.

Есть в «Белой книге» материалы и о том, как это собрание документов было принято на Западе. Разумеется, весьма благо-склонно.

Например, ведущие французские газеты — «Фигаро» и «Монд» — поместили на видном месте полный текст депеши агентства «Франс-Пресс», сопроводив ее следующими заголовками: «"Белая книга", выражающая протест против заключения Синявского и Даниэля», «Синявский и Даниэль имеют право на свое понимание будущего».

Александр Гинзбург в публикациях западных СМИ назывался молодым поэтом, хотя был известен в неофициальной литературной среде Москвы еще с конца 50-х. Не столько как поэт, сколько как редактор и издатель, который составил и распространил среди своих друзей и знакомых самиздатский поэтический альманах «Синтаксис». В альманахах были включены неопубликованные стихи самых разных авторов, например, Сапгира, Холина, Сергея Чудакова, Глазкова, Окуджавы, Ахмадулиной. Именно здесь впервые (по одной из версий) были напечатаны стихи Бродского. Всего успели выйти три номера «Синтаксиса», на четвертом Гинзбурга арестовали. Дали два года (по надуманной уголовной статье). Вернувшись, Гинзбург принялся за старое — то есть за составление и редактирование непечатаемого...

Причем КГБ составление «Белой книги» прозевал и узнал о ней... от самого Гинзбурга. Как вспоминала жена Андрея Синявского Мария Розанова: «В итоге не КГБ обнаружил «Белую книгу», а сам Гинзбург, когда в один прекрасный день в готовом виде положил ее на стол КГБ, а также послал в Верховный Совет и передал для ознакомления ряду депутатов. Я советовала ему выпустить книгу анонимно. Но Гинзбург решил, что выступление в открытую окажется более действенным. Он, конечно, понимал, что его ждет».

Действовал, что и говорить, дерзко. Вот и снова оказался за решеткой, в январе 1967, уже как рецидивист. То есть до своего процесса, начавшегося в январе 1968 года, он провел в тюрьме уже год.

А Юрий Галансков, тоже, среди прочего, стихотворец, помимо пособничества Гинзбургу в составлении «Белой книги»,

обвинялся за собственный литературный проект — альманах «Феникс-66», где, в отличие от ранее составленного им «Феникса-61», основное место занимала литературная, философская и политическая публицистика. Туда были включены две статьи Синявского, одна из которых — «Что такое социалистический реализм» — была признана Верховным судом РСФСР «антисоветской», а вторая — «В защиту пирамиды», уже подготовленная к печати журналом «Новый мир», была немедленно снята цензурой после ареста писателя.

В этот сборник Галанскова также вошло открытое письмо журналиста Эрнста Генри к писателю Илье Эренбургу с резкой оценкой личности Сталина, философское эссе Григория Померанца «Квадрильон», «Завещание академика Варги» (статья о политико-экономическом развитии СССР в 1924–1964 гг.)

Наконец, в «Фениксе-66» были и две работы самого Галанскова: «Открытое письмо Михаилу Шолохову» с резкой критикой «погромного» выступления нобелевского лауреата на XXIII съезде КПСС, призывавшего к бессудной расправе над арестованными писателями, и статья «Организационные проблемы движения за полное и всеобщее разоружение и мир во всем мире» — один из первых пацифистских документов в советском самиздате.

«Феникс-66» был передан Галансковым на Запад. На «процессе четырех» некоторые вошедшие в него тексты были признаны «антисоветскими», редактирование, размножение и передача сборника за границу были вменены в вину и Галанскову, и его «подельникам». Всех их судили по ст. 70 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда»).

Галансков писал: «Сам факт издания настоящего журнала уж, конечно, является достаточным поводом для применения какого-нибудь антидемократического закона или указа. Можете начинать... Вы можете выиграть этот бой, но все равно вы проиграете эту войну. Войну за демократию и Россию. Войну, которая уже началась и в которой справедливость победит неотвратимо...»

Диссидент Евгений Кушев, в дальнейшем, после отсидки, сотрудник радио «Свобода», вспоминал: «В начале декабря 1966 года мы встретились с Юрой на станции метро “Смоленская”. В руках у Юры был большой сверток. “Это сборник, — сказал Юра, —

твой персональный экземпляр. Постарайся сохранить его. Ведь никто не знает, что нас ждет. Так пусть хотя бы один экземпляр сохранится для его редактора". И экземпляр этот сохранился. Его искали, а он ходил по Москве из рук в руки, потом попал в Питер, а затем снова в Москву, и так и не достался тем, кто за ним охотился. Но это было потом. Пока же, в преддверье нового 1967 года, мы бились рыбой об лед, пытаясь сплотить различные молодежные кружки, привлечь отдельных, не слишком напуганных, либеральных интеллигентов. Читали "тамиздат", который начал поступать к нам в возрастающем количестве».

Галансков уже имел многолетний опыт жизни и работы среди литературных неформалов — начиная с ранней юности, с 1959 года, выступлений на площади Маяковского. Его поэма «Человеческий манифест» считалась декларацией этого движения. Был близок Галансков и со СМОГистами, его исключали из МГУ, принудительно госпитализировали в психбольницу. В общем, как и Гинзбург, в глазах власти он, несомненно, был рецидивистом.

Вот фрагмент из «Человеческого манифеста». Как тут с литературой — могут быть разные мнения, но с политическим уклоном все понятно:

Министрам, вождям и газетам — не верьте!

Вставайте, лежащие ниц!

*Видите, шарики атомной смерти
у Мира в могилах глазниц.*

Вставайте!

Вставайте!

Вставайте!

О, алая кровь бунтарства!

Идите и доломайте

гнилую тюрьму государства!

*Идите по трупам пугливых
тащить для голодных людей*

*черные бомбы, как сливы,
на блюдища площадей.*

Суд длился недолго. Он сопровождался общественным движением — так, около здания собиралось до 400 человек. Власти, похоже, здорово обозлились. Гинзбург получил пять лет, Галансков — семь, Добровольский и Лашкова, перепечатавшая «Белую книгу» и «Феникс-66», поменьше (два года и год). Галанскову не было суждено выйти на свободу, он умер в лагере от язвы желудка (точнее — от заражения крови после операции). Он прожил всего 33 года. Алексей Добровольский, член НТС с 1966 года, национал-анархист, национал-социалист, «волхв», во второй половине 1980 годов вступивший в патриотическое объединение «Память», дал на суде показания против себя и своих товарищей. Вера Лашкова после отсидки регулярно перепечатывала запрещенную «Хронику текущих событий», христианский альманах «Надежда» и другие материалы самиздата. В 1983 году была выслана из Москвы. Жила в Твери. Работала водителем тяжелого грузовика.

И еще одна несомненная связь процесса с литературой: арест и осуждение Галанскова, Гинзбурга и остальных всколыхнули советскую интеллигенцию — особенно людей пишущих. Они понимали, что судили бедолаг исключительно «за литературу». Историки диссидентского движения вообще полагают, что именно «дело четырех» вызвало, одну из первых в стране, мощную волну общественного протеста, выразившуюся в коллективных и индивидуальных «открытых письмах». Именно это дело привело к окончательной консолидации отдельных оппозиционных групп, кружков, дружеских компаний и т. д. (прежде всего в Москве, но также и в ряде других крупных городов СССР) и слиянию их в единую социокультурную среду, в которой и сформировалось правозащитное протестное движение.

Правозащитники Илья Габай, Петр Якир и бард Юлий Ким обратились с письмом непосредственно к деятелям искусств: «Мы еще раз напоминаем: молчаливое потворство сталинистам и бюрократам, обманывающим народ и руководство, глушащим любой сигнал, любую жалобу, любой протест, логически приводит к самому страшному: незаконной расправе над людьми.

В этих условиях мы обращаемся к вам, людям творческого труда, людям, которым наш народ бесконечно верит: поднимите

свой голос против надвигающейся опасности новых Сталиных и новых Ежовых. На вашей совести — судьба будущих Вавиловых и Мандельштамов».

И, надо сказать, деятели искусств откликнулись. Открытые письма против суда над Галансковым, Гинзбургом, Добровольским и Лашковой, а затем и против других нарушений «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ» (в основном дальше в своих формулировках авторы не шли) собирали сотни подписей.

И не только в Москве — в провинции тоже. Например, в феврале 1968 года письмо с протестом против закрытого суда подписала группа научных сотрудников Сибирского отделения Академии Наук и преподавателей НГУ. По числу «подписантов» это получило название «Письмо 46-ти».

Письмо было отправлено в Верховный суд РСФСР и Генеральному прокурору СССР (копии: Председателю Президиума ВС СССР Н. В. Подгорному, Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу, Председателю СМ СССР А. Н. Косыгину, редакции газеты «Комсомольская правда»).

23 марта 1968 содержание письма было изложено в американских газетах, а 27 марта текст был передан радиостанцией «Голос Америки».

Письмо было внешне вполне лояльным — его авторы заботились о престиже власти. Однако как ей было спокойно реагировать на такие, например, строки: «Чувство гражданской ответственности заставляет нас самым решительным образом заявить, что проведение фактически закрытых политических процессов мы считаем недопустимым. Нас тревожит то, что за практически закрытыми дверями судебного зала могут совершаться незаконные дела, выноситься необоснованные приговоры по незаконным обвинениям. Мы не можем допустить, чтобы судебный механизм нашего государства снова вышел из-под контроля широкой общественности и снова вверг нашу страну в атмосферу судебного произвола и беззакония».

Авторов наказали — многих исключили из партии, что тогда означало конец (или как минимум серьезнейшее замедление) научной карьеры.

Но так называемая «петиционная кампания» — то есть написание и распространение «открытых писем» по разным поводам — продолжалась. Люди высказывали свое мнение, несмотря на все давление со стороны властей.

А что касается тех, кто заступался за осужденных в январе 1968-го, им ответил сам Сергей Михалков на партийной конференции в Москве: «Советский народный суд осудил трех уголовников, на этот раз вообще не имеющих никакого касательства к литературе и провокационно произведенных в ранг писателей разными зарубежными “голосами” и “подголосками”... Справедливости ради следует отметить, что, если не считать трех-четырёх известных писательских имен, большинство подписавших эти письма ничем не прославили нашу литературу... Уместно напомнить этим литераторам, что такое гуманизм в понимании Максима Горького. Великий сын великого народа считал, что подлинный гуманизм — это воинствующий гуманизм непримиримой борьбы против лицемерия и фальши тех, кто заботится о спасении старого мира».

Как видим, Михалков попросту врал. С другой стороны, он мог искренне верить, что если ты не участвуешь в деятельности СП СССР, ты действительно не имеешь отношения к литературе... Такая вот политика.

Лиля Брик под ударом

Скандалов в литературно-политическом поле в 1968 году хватало. И это мы еще не говорим про реакцию на пражские события — и ответную реакцию властей. И не про разнообразных политических диссидентов. Возникали, можно сказать, на пустом месте истории с писателями не то чтобы на сто процентов лояльными, но точно не борцами.

Например — скандал с наследием Маяковского.

В 1968 году борьба за Маяковского обострилась. Начиная с 1964 года под Лилю Юрьевну Брик гласно и тайно велся подкоп тех, кто считал ее виновной в смерти «трибуна Революции». Они

группировались вокруг Музея Маяковского, с 1937 года находившегося в Гендриковом переулке, где Маяковский жил с Бриками, в 1967-м закрытого по инициативе сестры Маяковского Людмилы Владимировны, а в 1968 году переехавшего на Лубянский проезд, где поэт в 1930-м застрелился.

Директором музея и одновременно близким к идеологу партии М. А. Суслову был В. Воронцов, который в 1968 году в паре со своим старым другом, литкритиком А. Колосковым напечатал фельетон «Любовь поэта» («Огонек», 1968, № 16), затем А. Колосков уже без соавтора продолжил погром статьей «Трагедия поэта» («Огонек», 1968, № 23, 26).

Если до этого в литературоведении, да и в массовом сознании, господствовало мнение, что великий поэт много лет всерьез был увлечен только Лилей Брик, а все его встречи с другими женщинами имели случайный или необязательный характер, то теперь Брик отодвигалась в сторону. «Огонек» утверждал, что в последние годы жизни Маяковский имел намерение жениться на Татьяне Яковлевой, но этому воспротивились Лиля и Осип Брики, а также видный чекист Яков Агранов, впоследствии расстрелянный и признанный не подлежащим реабилитации. По сути, Брики обвинялись в причастности к гибели поэта.

Дело тянулось много лет, непосредственно «антибриковские» публикации стали появляться с 1958 года, когда вышел том «Литературного наследства», который, как утверждали ненавистники Лили Брик, был посвящен, по сути, именно ей. Надо сказать, что Брик защищалась уверенно, активно используя свою сестру Эльзу Триоле и ее знаменитого коммунистического мужа, писателя Луи Арагона, большого друга СССР. Беда заключалась для нее в том, что на стороне «брикофобов» была Людмила Маяковская, сестра поэта, — под ее редакцией как раз к 1968 году вышел первый том нового собрания сочинений Маяковского, подготовка которого была выполнена уже в новой концепции. И вообще, тандем Воронцов–Колосков явно имел поддержку «сверху». «Нам известно, — сообщала Лиля Брик 17 апреля 1968 года Эльзе, — что Воронцов один из помощников Суслова, и он этим пользуется».

Оставалось искать союзников среди «творческой интеллигенции». Тем более, что история «любвонной лодки» Маяковского

волновала многих писателей. «Я прочитал пасквиль в «Огоньке», — писал Лиле Брик поэт Виктор Соснора. — Туманные и пошлые намеки, рассчитанные на офицерских невест. Обыкновенный донос. Желтого цвета. Не расстраивайтесь, пожалуйста! Даже я и уверен, что вы посмеялись над двумя болванами — и только. Полицейская пресса, подленькие статейки так или иначе являются. Когда клоуну больше нечем рассмешить публику, он плюет в небо. Собака лает — ветер носит. Ветер дует — корабль идет».

Но от Сосноры в борьбе прока было мало — его аппаратный вес был нулевым. Другое дело Константин Симонов, который дважды, 29 декабря 1966 года и 13 мая 1968 года, пытался опубликовать открытые письма (первый раз в «Известиях», второй — в «Литературной газете») по поводу скандальных статей Воронцова и Колоскова, фальсифицирующих биографию и литературное наследие Маяковского.

Вот — в отрывках — тексты этих писем.

«Речь идет не просто о публикации новых материалов к биографии поэта, а о попытке использовать эти материалы с целью представить чувство Маяковского к Яковлевой чуть ли не как единственное светлое пятно в жизни поэта, изобразив все, что до этого было в личной жизни Маяковского, в беспросветных красках.

Говоря о стихах, посвященных Т. Яковлевой, авторы статьи пишут, что они «несут в себе новые настроения, новые интонации. В них нет той тоски, надрыва, проклятий, какие характерны для стихов, обращенных к Л. Брик».

Спрашивается, как можно всю любовь поэта, пронесенную им через целые тома стихов и поэм, пытаться свести к тоске, надрывам и проклятиям? Неужели в этом состоит вся суть лирики Маяковского, написанной до его «Письма Татьяне Яковлевой»? Литературной науки в такой трактовке — ни на грош. Элементарной объективности тоже. Уважения к памяти поэта еще меньше. Но зато много плохо скрытого озлобления по адресу Л. Брик, то есть по адресу человека, которому на протяжении многих лет были посвящены вершины лирики Маяковского и которого в своем предсмертном обращении к советскому правительству Маяковский назвал как члена своей семьи, первой, рядом

с матерью и сестрами. Не хочу вникать в причины этого озлобления, но глубоко убежден, что таким вещам не место в нашей печати».

Еще один фрагмент из письма Симонова:

«Однако В. Воронцов и А. Колосков не ограничились попыткой создать искаженное представление о лирике Маяковского. Они пошли дальше и опустили до странных намеков.

Сообщив читателям, что Маяковский осенью 1929 года начал хлопотать о поездке в Париж, надеясь встретиться там с Т. Яковлевой, и вдруг впервые получил отказ в разрешении выехать за границу, В. Воронцов и А. Колосков с загадочным видом сочинителей детективов спрашивают: «К т о же мог воспрепятствовать столь важной для него поездке в Париж? И н е с т р а н н о ли, что всего через пять месяцев после отказа в визе Маяковскому в далекую заграничную поездку (в Англию) отправились супруги Л. и О. Брик?»

«Думаю, что публично ставить такого рода вопросы имеет моральное право только тот, кто вслед за вопросом дает и ответ, точный, подтвержденный неопровержимыми документами. Ибо в противном случае постановка таких вопросов без ясных ответов на них смахивает на попытку ввести в массовый обиход сплетню, опубликованную двухмиллионным тиражом».

«Странный характер статьи «Любовь поэта» тем более тревожит меня, что 1968 год — год 75-летия Маяковского, и в приложениях к «Огоньку» выходит, приуроченное к этой дате, новое собрание сочинений Маяковского, в составлении которого участвуют оба автора статьи «Любовь поэта». Очень не хотелось бы в комментариях к собранию вновь встретиться с теми же недозволенными приемами, которые характерны для этой непривычно выглядящей в советской печати статье».

Естественно, хитрый политик, главред «Литературки» А. Чаковский такого письма напечатать не мог — да и не хотел, помня о косвенной причастности к делу М. А. Сулова. Вместо этого он переслал письмо «наверх», сообщив заодно о своем решении его не публиковать. Письмо дошло до Демичева. Тот с решением Чаковского согласился.

Семен Кирсанов в письме к главе Совета министров Косыгину тоже просил «принять меры» против «кампании травли и клеветы».

ты по отношению к женщине, которая была любимой подругой Маяковского до конца его жизни».

А Борис Слуцкий написал напрямую первому человеку государства:

«Уважаемый Леонид Ильич!

Хочется привлечь Ваше внимание к некоторым обстоятельствам литературной жизни.

На протяжении последних лет литературоведы Воронцов и Колосков выступают со статьями, посвященными отношениям Владимира Маяковского с его семьей и друзьями.

Главная задача этих выступлений — опорочить Лилию Юрьевну Брик, самого близкого Маяковскому человека, женщину, которую он любил всю жизнь и о которой писал всю жизнь.

Таким образом, накануне юбилея поэта ставится под сомнение большая часть его любовной лирики.

С развязной грубостью, в манере детективного бульварного романа, Воронцов и Колосков пытаются доказать, что ближайшие друзья Маяковского — Асеев, Третьяков, Осип Брик, Кирсанов активно участвовали в травле, подготовившей самоубийство поэта. В том же уничижительном духе трактуются многие выдающиеся деятели советской культуры, например, Илья Эренбург.

Оскорбляются люди, которых Маяковский любил, мнением которых он дорожил, вместе с которыми он строил советскую культуру. Замалчиваются десятки печатных заявлений Маяковского с высокой оценкой этих людей.

Оспорить эти утверждения Воронцова и Колоскова в печати практически невозможно. Я (так же, как и многие другие литераторы) обращался в «Известия» и «Литературную газету», но мне было отказано.

Таким образом, совершенно новая «концепция» жизни и творчества Маяковского утверждается не в результате научной дискуссии, а с помощью лживых и сенсационных фельетонов «Огонька».

Прошу Вашего вмешательства.

Борис Слуцкий,
член КПСС с 1943 года. Партийный билет № 4610778».

На стол генсека это письмо было положено с такой недоброжелательной сопроводительной справкой:

«Автор письма Б. Слуцкий считает неправомерным появление в журнале «Огонек» (№№ 16, 23, 24, 26 за 1968 г.) статей об отношениях В. Маяковского с его семьей и другими.

Тов. Слуцкому сообщено, что редакциям газет и журналов предоставлено право самим решать вопрос о целесообразности публикации тех или иных статей, не имеющих официального характера.

Зам. зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС Т. Куприков
Зав. сектором В. Власов
4. VI. 68 г.»

На справке помета: «В архив. 8. VII/68 г. Яковлев».

Кстати, и тираж французской газеты «Юманите» со статьей Эльзы Триоле в защиту Лили Юрьевны в СССР был конфискован.

Лиля Брик была в отчаянии. Она даже подумывала об обращении в суд. Но от этого ее отговорила сестра.

«Мне не хочется, Лиличка, — писала Эльза Триоле Лиле Брик 16 июля 1968 года, — чтобы ты подала в суд». И уточняла, несмотря на великую любовь ее великого мужа к великой стране СССР: «Они ведь могут состряпать любые обвинения и документы. Бой слишком неравный».

В общем, кампания 1968 года Лилей Брик и ее сторонниками была проиграна — но впереди были новые сражения «за Маяковского». В известном смысле не закончены они и сегодня.

Библейские страдания

В 1968 году провалом завершился проект по изданию Библии в пересказах для детей. Этот проект возник еще в 1962 году. Книга, понятное дело, была запланирована как элемент культурного воспитания молодого поколения и должна была выходить в серии мирового наследия древнего Востока. Руководил проектом главный сказочник страны Корней Чуковский.

Корней Чуковский привлек в авторский коллектив несколько человек, среди которых был, например, поэт Валентин Берестов

и даже («под прикрытием», в коллективе значился совсем другой человек) священник Александр Мень.

Дело шло тяжело и долго — еще бы, ведь в начале работы Чуковский получил строгое указание не упоминать слов «евреи» и «Бог», слово «Библия» нельзя было писать с заглавной буквы. Договор на книгу был подписан в мае 1965 года. Бога пришлось заменить на «волшебника Ягве». Художником стал Леонид Фейнберг.

Однако дело тянулось и тянулось. В издательском плане «Детской литературы» выпуск был перенесен на 1966 год.

Окончательно прошедший цензуру вариант включал четырнадцать легенд — тринадцать ветхозаветных и новозаветную притчу о блудном сыне.

Летом и осенью 1966 года было начато производство книги, которое в следующем году вновь было остановлено и отложено. Причины были сугубо политическими: в Израиле началась Шестидневная война, из-за которой актуализация священной еврейской книги оказалась невыгодной советскому руководству. Отказ редакции от печатания побудил Корнея Чуковского к решительным действиям. 22 сентября 1967 года писатель обратился к главе Комитета по делам печати при Совмине СССР Николаю Михайлову и получил немедленный ответ. Чиновник сообщил, что причины задержки сугубо технические (перегруз типографий заказами), и выпуск книги откладывается на первый квартал 1968 года.

Действительно, 16 октября 1967 года книга пошла в набор (ко всему прочему теперь в ней было запрещено упоминать город Иерусалим). Журнал «Огонек» анонсировал книгу под ее окончательным названием «Вавилонская башня и другие древние легенды»; сообщалось, что она посвящена «древним сюжетам, используемым в искусстве, литературе, живописи».

Текст был подписан к печати 22 января 1968 года и далее вновь был задержан цензурой.

Несколько не прошитых и не переплетенных экземпляров книги были вынесены из цеха работниками типографии, таким образом сам редактор Чуковский смог получить представление о результате работы. В сентябре 1968 года он сообщил, что «вновь

портит» предисловие к книге, видимо, учитывая новые указания; цензура возмущалась фигурами Моисея и Даниила как «пищи для сионистов». Корней Иванович обратился к Алексею Румянцеву — вице-президенту Академии наук СССР, отвечающему за общественные науки, — получив 19 ноября 1968 года благожелательный ответ. Однако и здесь последовало пожелание «немного сказать о том, что Библию использовали господствующие классы для подчинения себе трудящихся». Ну, после всего уже сделанного можно было и «добавить».

Все бы ничего, но тут в дело вмешался... Китай! Есть версия, что в конце 1968 года объявление о выходе сигнального экземпляра, помещенное в «Книжном обозрении» (по другой версии, это было интервью Чуковского в «Труде») вызвало негативный резонанс в Китае, отношения которого с СССР стремительно ухудшались. Валентин Берестов даже передавал историю, что хунвейбины на волне культурной революции «громогласно потребовали размозжить собачью голову старому ревизионисту Чуковскому, засоряющему сознание советских детей религиозными бреднями». Поскольку советская партийная дипломатия тогда рассматривала китайских коммунистов пока что не как полных врагов, а как «отступников», с некоторыми мнениями китайской стороны советские бюрократы считались. Главным, по-видимому, стало то, что китайские заявления были подхвачены «вражескими голосами» стран, которые на сегодняшний день именуются «недружественными». Вероятно, это был удобный формальный предлог прекратить распространение идеологически вредной книги. Тираж, уже отпечатанный, был пущен под нож... Все 50 тысяч экземпляров! На идеологии не экономим!

В перестройку «Вавилонскую башню» издали, и не единожды, но это, конечно, было не то. Тогда разрешили, и модно было, читать самую настоящую Библию, а не ее адаптированный, выборочный пересказ. А вот выйди книга в 1968 году — ее ждала бы судьба легендарная.